

Ева

Ева молчит, собирает ему узелок:

Майка, кальсоны, правила битв без правил.

Ева становится больше, становится – бог.

Она предлагает Адаму покинуть пределы рая.

Она понимает: он не её Адам –

Где-то ошибка, сбой передачи данных –

Этот недобрый хмурый мужик в годах –

Демон, что притворялся её Адамом.

Откуда она? Из его ли она ребра?

Сколько их, рёбер, сидящих в его печёнках?

Демон ушёл. Ушёл постоянный страх.

Точка его невозврата – её отсчёта.

Ева в раю, есть и в раю весна.

Ева красивая, лёгкая и живая.

Ева спокойна. А первородный её гранат

Вызревает.

Адам

Это деревня. В деревне живёт народ.

Знает народ, к примеру, язык иврит.

Это Адам. Это его ребро.

Это Господь. Скучно ему. Творит.

В маленькой жизни Адама полно забот:
Есть, расплодиться, быть, превратиться в миф;
Но ведь всегда какой-нибудь идиот
Тащит домой кота чтобы его кормить.

Прячет под куртку, греет его, несёт,
Входит домой, входит в его режим,
И пусть человек коту говорит не всё,
Но человек ощущает себя большим.

Дома тепло, из крана течёт вода,
Ветхий завет на полке, Дюма и По.
И человек называет кота Адам.
И человек понимает, что он – Господь.

Фантазия до мажор

И вот стою я, такая, сбоку припёка -
Слева Лилит, справа её Набоков,
Где-то поодаль Пелевин, Толстой и Тополь,
И Башлачёв топаёт автостопом.
Цветков говорит: – это, ребята, дактиль.
Чехов. Ружьё. Выстрелит в третьем акте.
Гильзы уже разобраны на хэштэги;
Хайдеггер идёт домой, говорит Хайдеггер:
– Я, – говорит, – хороший, я свой, я русский.
Мифы известны, требуют деконструкций.

Гоголь, переворачиваясь под грунтом,
Иронизирует: – это совсем не трудно.
Следом за ним выступает из бездны ада
"Совершенно никакой не поэт" Эдуард Асадов,
За ним поднимаются толпы его фанатов.
Бродский страдает, Бродский кричит: – не надо!

Я же стою, будучи в полном праве
Украсть, ведь они у меня украли
Ершалаим, корабли на подходе к Трое,
Як-истребитель, Атоса, ещё, другое:

Давида и Голиафа, Юдифь, Далилу,
И Таризэла украли, и Автандила.

Буквы кириллицы все по одной украли
Низкие люди, действующие без правил;
Право распоряжаться святым Граалем,
Право не спать ночами – и то украли.

Моффат украл сюжеты для лучших фильмов,
Всё остальное присвоил поэт Дельфинов.

И вот стою я, такая, как дети в школу,
Как родилась на свет – абсолютно голой,
Глажу белье, в мыслях пишу по-русски.
Блузку сожгла. Дымится.
И хрен с ней, с блузкой.

Ты прости, о Господи, всё прости,
Помоги же, Господи, помоги
Неказистой девочке лет пяти
На домашнем празднике, и другим
Неказистым девочкам лет пяти,

Перепутавшим строчку в чужом стихе,
Раздавившим снежинку в своей руке,
Не умеющим даже за дело бить –
Помоги и дальше уметь любить.

Расскажи, что в это легко играть,
Объясни ещё – для чего уметь –
Расскажи, пока им ещё лет пять,
Расскажи, глазастый смешной медведь.
А однажды кто-то нальёт вино,
Не оставив в тот вечер её в живых.

Я ползу, как пар из трущоб и нор.
Я иду на вы.

Подымаясь травами психотравм,
Становлюсь изящней, сильней, острее,
И слова, шершавые как кора,
Защищают вас от любви моей.

А снежинка спит, притворившись льдом,
Просыпается утром и вновь летит,
И молчит, и ловит её в ладонь
Неказистая девочка лет пяти.

Голубое платье

А я хочу голубое платье,
И чтобы локон, как на картине,
Накрасить ногти и пахнуть латте,
И есть конфетку и пить мартини.

На нём воланы, пайетки, птицы,
Креветки, бабочки и бараны,
Оно до пола, оно струится,
И голубее, чем вся эстрада.

И свет далёких других галактик
Скрутился в точку, свернулся в пиксель;
Мечта об этом прекрасном платье
Как сыр катается в масле мыслей.

И без иллюзий, и без аллюзий,
И браво будут кричать, и хлопать,
И называть меня станут люди
Звездой по имени Антилопа.

О стену биться и застрелиться –
О, где же выход, ну есть же выход –
На нём бараны, пайетки, птицы.
Пойду к портнихе, пошьёт портниха.